

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ДЖЕЙМСА С. СКОТТА
«ИСКУССТВО БЫТЬ НЕПОДВЛАСТНЫМ»**

Карнеев Родион Рафаэльевич, магистрант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119192, г. Москва, пр. Ломоносовский, 27, к. 4
E-mail: rkarneev@gmail.com

Читателю предлагается рецензия на недавно переведенную книгу известного американского антрополога и социолога Джеймса С. Скотта «Искусство быть неподвластным». В данной рецензии некоторым образом затрагиваются основания и пределы производства рецензии.

Ключевые слова: социология, анархизм, антропология, рецензия

BOOK REVIEW: JAMES SCOTT "THE ART OF NOT BEING GOVERNED"

Karneev Rodion R., undergraduate

Lomonosov Moscow State University
27/4 Lomonosovsky Ave., Moscow, 119192, Russian Federation
E-mail: rkarneev@gmail.com

The reader is offered a review of the translated recently book by the well-known American anthropologist and sociologist James S. Scott "The art of not being governed". This review considers the reasons and the limits of the production of a review, reviewing of something.

Keywords: sociology, anarchism, anthropology, review

Любое рецензирование чего бы то ни было предполагает определенный набор допущений по поводу рецензируемого текста. Причём эти допущения должны непосредственно исходить из самого текста для того, чтобы представить рецензируемый текст читателю, предположительно с ним не знакомому, во всей его телесности. Одновременно с этим предполагается, что будет дана некоторая оценка содержательного характера, направляющая читателя к тексту или от текста. И в этом смысле, рецензия должна пониматься как некоторый «сверхтекст», претендующий на центрацию первоисточника через определенные обобщения, пояснения, мнения, замечания. И поэтому, по всей видимости, идеальным вариантом рецензии на какой-то текст будет попытка не рассказать текст, а показать его. Не лучше ли рецензии буквально стать текстом, чтобы показать читателю сам текст. И в этом смысле «Искусство быть неподвластным» Джеймса С. Скотта представляется очень удачным образцом для реализации на нём подобного рода рецензии.

Здесь следует сделать одно уточнение. При чтении книги «Искусство быть неподвластным» не возникает ощущения сложности самого текста, его герметичности или неоднозначности. И это кажется очень странным, ибо Скотт пытается выразить в своём изложении чрезвычайно сложные концепты, связанные с новым взглядом на государственное строительство и отношения государств и периферии. Для этого автор привлекает огромное количество союзников в виде собственных полевых исследований и теоретических выкладок, которые грамотно дополняются исследованиями других специалистов, также занимающихся Юго-Восточной Азией. Чего только стоят его постоянные аллюзии на то, что он не первый, кто до этого додумался, он лишь первый, кто смог это более или менее схематично и целостно представить в одном месте. Соответственно, чтобы показать всю сумасшедшую сложность представлений, которые он пытается развить, Скотт в некотором смысле «отказывается от текста». Попытаемся это прояснить чуточку подробней. Возьмём, к примеру, предположение, которое делает Скотт в третьей главе «Концентрация человеческих ресурсов и зерна». Он пишет: «основа политической власти в досовременной Юго-Восточной Азии – концентрация рабочей силы. Она была основным принципом гос-

ударственного строительства и лейтмотивом истории практически всех доколониальных царств региона» [2, с. 104], и далее продолжает: «грубо говоря, общая формула звучит примерно так: политическое и военное господство нуждается в постоянном и легком доступе к скоплению человеческих ресурсов» [2, с. 104–105]. И далее, примерно на протяжении пятидесяти страниц текста, пытается предъявить, представить доказательства. Причём доказательства, взятые не только из государственного строительства государств Юго-Восточной Азии, например, таких как Бирма, но и западноевропейских государств, ссылаясь на Аристотеля и конкретные примеры из истории государств Западной Европы¹.

Что следует из этого примера? В чём состоит наше уточнение? Всё дело в том, что, по нашему мнению, Скотт целенаправленно отказывается от усложнения своего текстового повествования. То есть он специально делает текст проще, описательней. Его текст излишне дискрептивен. И в этом смысле, в самом тексте мы не найдем телесности того текста (как бы тавтологично это не звучало), который нам предлагает Джеймс С. Скотт к прочтению. Текст у Скотта служит лишь некоторой разметкой, которую можно стереть; он служит пылью, которую можно сдуть с книги, чтобы увидеть её название. И под этой разметкой, под этой пылью скрываются как раз наблюдения, полевые исследования самого Скотта в их многообразии и разнообразии. Поэтому для того, чтобы выявить и представить нам, то многообразие практик бегства от государства, Скотт в некотором роде стирает текст и оставляет лишь описание разнообразных явлений. И для того, чтобы центрировать эти разнообразные и разношерстные практики «нецивилизованных народов», Скотту требуется метод, некоторые допущения, с помощью которых он сможет представить эти практики в их предполагаемом единстве. Таким образом, можно утверждать, что для того, чтобы нам в рецензии *показать* текст, нам нужно обратиться не к самому тексту, а к тому, что за ним скрывается.

Как мы могли уже увидеть, за текстом Скотта скрываются разнообразные практики работы с определёнными обществами, практикуемые государством или самими этими обществами, или некоторым членами этих обществ, которые определённым образом центрируются и образуют единый нарратив, который служит целям Скотта. И поэтому, для того, чтобы представить текст Скотта в его телесности для того, чтобы показать его, нам нужно применить ту же самую методологию, применить те же самые допущения, которыми руководствовался Скотт к нему же самому, т.е. к его тексту.

Собственно говоря, о каких допущениях здесь идёт речь? Одним из допущений, которое делает Скотт, а затем прослеживает его на примере государств Юго-Восточной Азии, является то, что государство некоторым образом упрощает то, что подпадает под его взор. Например, описывая государства Юго-Восточной Азии, Скотт говорит нам о том, что главной культурой, которую государство принудительно заставляло выращивать своих подданных, являлся рис. Именно рисовое производство являлось приоритетным для государства, в силу определённых преимуществ, которые были у рисового производства, но которых не было у других сельскохозяйственных практик. «Высочайшая урожайность поливного рисоводства в расчёте на единицу площади гарантирует беспрецедентные показатели плотности населения, а относительная стабильность и надёжность, если ирригационная система функционирует без сбоев, – уверенность правителя, что население не сдвинется с обжитых мест» [2, с. 117–118]. Действительно, кому охота будет покидать место, на котором ты трудился столько лет: укреплял берег реки, выравнивал, занимался террасированием, строительством плотин и каналов. К тому же, упростив таким образом сель-

¹ Для более детального ознакомления с методами государственного строительства и унификации населения, применяемыми государствами Западной Европы, советую обратиться к другой книге Скотта «Благими намерениями государства» (М.: Университетская книга, 2005).

ское хозяйство, государство не только увеличивает, но и упрощает контроль над населением. Сельское хозяйство подобного типа порождает единообразие на разных уровнях, т.е. здесь и одинаковый ритм производства, и зависимость от одних и тех же источников воды. Соответственно, для составления кадастра или налогового реестра ситуация была практически идеальной. «Общество, облик которого в значительной степени определяло монокультурное производство, было легче контролировать, оценивать и облагать налогами, чем любое другое с дифференцированными практиками хозяйствования». Здесь будет уместно в контексте нашего последующего рассуждения, добавить ещё одну цитату из Скотта, а именно: «конечно, в целях аналитической ясности я слишком резко обозначил различия двух систем: ни одно из материковых аграрных государств не было монокультурным в полном смысле слова. Но чем ближе государство оказалось к подобному состоянию, тем радикально проще ему было консолидировать управляемое государственное пространство» [2, с. 119].

Чем занимается и наша рецензия и текст Скотта? Они занимаются определённого рода центрированием, собиранием союзников, которые могли бы говорить от их лица, представлять самих себя. И в этом смысле, и наша методология, и методология Джеймса С. Скотта совпадают в исходном пункте: мы упрощаем то, о чём будем говорить. Тут получается достаточно комичная ситуация, ибо Скотт говорит, что государство, пытаясь получить контроль над населением, определённым, свойственными государству способами, пытается это население¹ упростить и сделать его как можно более единообразным. Государство постоянно борется с многообразием, которое сложно контролировать и учитывать вразного рода государственных кадастрах. В свою очередь Скотт, создавая телесность своего текста, т.е. превращая его в некий единый нарратив, пытается действовать схожим образом. Он пытается включить, концептуализировать то многообразие практик, которые практикуют разного рода народности и племена, и загнать всё это в единую концепцию, которая бы подтверждала его собственный тезис: не все люди хотели подчиняться государству. В этом смысле достаточно показательным является то, что говорит в своём интервью интернет-изданию «Горький» научный редактор издания «Искусство быть неподвластным» в России Александр Никулин. А говорит он дословно следующее: «второе направление критики ведётся со стороны антропологического эмпиризма. Да, Скотт обработал огромный массив информации о жизни многообразных народов Зомии. Но есть антропологи, специализирующиеся на конкретном племени, конкретном народе материковой Юго-Восточной Азии. Они говорят примерно следующее: "Я проводил полевую работу в таком-то сообществе в таком-то году и считаю, что тут многоуважаемый профессор Скотт неточно интерпретировал особенности поведения мной изученного населения". Ну, конечно, в Зомии сотни племён и Скотт физически не мог побывать среди всех, детально ознакомившись с каждым обычаем, с каждой традицией. Перед ним стояла в большей мере обобщающая аналитическая задача. Любого автора подобных фундаментальных обобщающих работ можно обвинить с точки зрения конкретного антропологического эмпиризма, даже Фернана Броделя» [3]. Действительно, Скотт в этой своей части поступает схожим с государством образом. И конечно его можно обвинить в том, что он упрощает. Но, продолжая эту же логику, мы занимаемся примерно тем же самым: находим какие-никакие, но крити-

¹ В общем и целом тут можно говорить не только лишь о населении. По Скотту, процедура упрощения (упрощения не для нас, а для государства, представляющаяся у Скотта как воплощенная в определённых артефактах, например, в налоговых квитанциях) государством определённых объектов, на которые направлен его взгляд. В своей книге «Благими намерениями государства» Скотт усматривает процедуры подобного рода упрощения в государственной политике по отношению к лесам. Государство как бы забывает, что лес можно рассматривать по-разному и смотрит на него определённым, можно даже сказать эффективным (с точки зрения целей государства) образом.

ческие точки у Скотта, пытаемся их показать, упростить и сделать их союзниками уже наших дальнейших утверждений. И в этом смысле мы не хуже и не лучше Скотта – мы такие же самые. Таким образом, любая рецензия предполагает этот «упрощенный» взгляд на то, что она рецензирует. И в этом смысле, этот «упрощенный» взгляд на объект рецензирования является перформативным актом. Мы некоторым перформативным образом утверждаем, что некоторый объект что-то производит, хотя, например, это что-то может не только не сводиться к тому, что мы о нём говорим, не только сам объект может предполагать некоторую иную интерпретацию того, что он производит, но и сам объект может вообще не производить этого что-то. Но о перформативе мы ещё поговорим более подробно в последующем.

Продолжая перечислять выгодные для нас допущения Джеймса С. Скотта в его книге «Искусство быть неподвластным» нельзя не упомянуть о том, что для автора государство является необходимо существующей штуковиной, которая постоянным и даже более того, необходимым образом, себя проявляет. Причём проявляет оно себя на всех уровнях жизни человека. Проявляя себя, государство оставляет разного рода артефакты, с помощью которых мы можем не только что-то узнать о государстве и его истории, но и о самом способе творения этой истории. Что мы понимаем под словосочетанием «способ творения своей истории»? Государство особым образом конструирует дискурс вокруг себя. То есть государство в буквальном смысле *делает* самое себя, *конституирует* самое себя. Здесь можно привести огромное количество примеров из самого текста Скотта. Например, с самого начала книги и до самого конца Скотт противопоставляет свою точку зрения точкам зрения цивилизационного дискурса, прогрессистского дискурса, стадийного дискурса, т.е. дискурса любого рода, который некоторым образом противопоставляет человечество человечеству, который возвеличивает «цивилизацию» принижая «варварство». Для Скотта является принципиальным тот момент, что эта дихотомия должна быть не только рассмотрена по-иному – не только с преобладающего эгалитарного дискурса, но и с точки зрения варварства. И в этом смысле, дискурс цивилизаций не является истинным дискурсом, а всего лишь *одним из* дискурсов.

Другим примером, подтверждающим это допущение Скотта, является история в широком смысле этого слова. Почему так получается, что история государств настойчиво вытесняет историю народов. Во-первых, централизованные властью населения оставляли после себя большее количество артефактов; а во-вторых – «...почти все, что мы знаем о первых государствах Юго-Восточной Азии, почерпнуто из наскальных надписей и более поздних летописных свидетельств – дарственных на землю, официальных хроник, судебных протоколов, реестров налоговых сборов, повинностей и церковных пожертвований. Чем внушительнее оставленный вами текстовый шлейф, тем заметнее ваше место в истории. Традиционные обозначения истории в бирманском и тайском языках (*yazawin* и *phonesavadan*) переводятся соответственно как "жизнь правителей" и "хроники царей", поэтому по ним сложно реконструировать жизненные миры неэлитарных групп, даже живших при дворе» [2, с. 65]. Таким образом, получается, что доминирующие нарративы, которые сфокусированы вокруг дворцовой жизни и городской истории, навязывая нам рассказ о царях, игнорируют безгосударственную периферию, и в основном говорят лишь о государстве и ему сочувствующих.

Как мы можем видеть, государство, по Скотту, не только существует необходимым образом, но и принудительным образом действует и на уровне физического, телесного принуждения, и на уровне символического насилия. И это самое государство в силу оказываемого на разных уровнях символического насилия, само не замечает, что оно возникло, то есть само себя некоторым образом перформативно подтверждает / утверждает через определённые исторические артефакты, которое оно же само оставило для себя же самого. И в этом смысле получается, что государство –

для самого себя не слишком заметным и не слишком явным способом¹ – само себя не только конституирует, но и поддерживает.

Что же до нашей рецензии? Наша рецензия тоже предполагает реальность текста, о котором она пишет. Безусловно, это предположение не необходимое. Ведь мы вполне можем написать рецензию на текст, которого не существует, и тем самым породить определённое количество дискурсов. Но в данном конкретном случае под реальностью текста мы имеем в виду то, что текст Скотта порождает определённые эффекты, порождает определённого рода дискурсы. Он встаёт в оппозицию к дискурсу университета, он пытается выявить и критиковать то, что необходимым образом принадлежит к дискурсу университета. И именно это делает его реальным: именно то, что он порождает вокруг себя определённое количество дискурсов и встаёт в оппозицию дискурсу университета из самого дискурса университета. Подтверждения этому мы опять находим в словах Александра Никулина: «"Искусство быть неподвластным" приняли в академическом мире очень неоднозначно: с одной стороны – с симпатией, с другой – весьма критически. Определённо, ни одна книга Скотта не подвергалась такой разнообразной критике, как это произведение о высокогорном анархизме» [3]. Но в то же самое время, можно отметить тот факт, что эта работа Скотта могла потерпеть неудачу, точно также как в своих начинаниях иногда терпит удачу и государство. И Скотт приводит множество примеров, когда государство не смогло одержать победу над населением, не смогло заставить его стать «цивилизованным». Более того, вся его книга построена на том, что во многих случаях государство как раз и не удавалось одержать победы.

Следующим допущением, на которое хотелось бы обратить внимание, является то, что когда Скотт критикует дихотомию цивилизованность/варварство, возникает вопрос о том, насколько сам Скотт в своём повествовании уходит от этой дихотомии. Казалось бы, с самого начала текста и до заключения, Скотт нам говорит о том, что главной его задачей является преодоление этого самого дискурса цивилизованности. Его задачей является показать, что большинство населения планеты Земля, практически до XX в., было не подчиненно государству и образовывало этому самому государству определённую оппозицию. Но справляется ли со своей задачей Скотт? Действительно ли он преодолевает эту оппозицию? На первый взгляд кажется, что да. Кажется, что он действительно выстраивает *настоящую* историю большинства населения нашей планеты. И преодоление это базируется на вполне конкретных примерах. Но хотелось бы сделать одно замечание, которое оговаривает сам Скотт, но которое, по нашему мнению, в данном конкретном случае, является решающим. Скотт говорит о том, что анархические поселения периферий как раз таки появлялись из-за государства. Именно потому, что есть государство и создавались эти поселения. И самое главное здесь то, что эти люди с периферий всегда делали всё наоборот: они просто переворачивали государственные практики монополизации и делали их практиками разнообразия. Скотт спрашивает: «как бы вы поступили, если бы вам нужно было спроектировать топографию, жизненные практики и социальную структуру, настолько устойчивые к формированию государства и захвату им новых территорий, насколько это в принципе возможно?». И сам же отвечает: «большинство из доступных вам стратегий, как я полагаю, окажется полной противоположностью тому, как создавались рисовые государства. Вместо плоской, сравнительно удобной аллювиальной равнины вы вообразили бы себе горный пейзаж, где "сопротивление ландшафта" запредельно высоко. Вместо концентрации вызревающих одновременно зерновых культур – кочевое, многообразное, рассеянное в

¹ Здесь можно задаться вопросом о степени этой незаметности и не явности. Ведь дело в том, что *университетский* социолог смог это не только заметить, но и описать такое положение дел, но и, к тому же, это описание издать, получить кучу отзывов и переводов на разные языки.

пространстве выращивание неравномерно вызревающих корнеплодов. Вместо постоянных поселений и стабильной политической власти – разбросанные по местности, мобильные формы поселений с подвижной социальной структурой без верховной власти, способные легко распадаться на элементы и возникать с иными их сочетаниями» [2, с. 214]. И именно все это многообразие антигосударственных практик на деле оказывается таким же государственным, таким же политическим, как и те практики, которые навязывает государство. В силу своей принципиальной антигосударственности эти люди как раз оказываются государственными, ибо они делают все, чтобы противопоставить себя государству, которое, в свою очередь, действует как образец, как пример для антигосударственных порядков.

Наша же рецензия работает схожим образом с текстом «Искусство быть неподвластным». С одной стороны, мы как бы должны уйти от текста и высказать мнение по поводу текста, заняв при этом метапозицию по отношению к тексту. Но с другой стороны, и мы об этом уже говорили, мы пытаемся представить текст, показать текст. Получается, что мы находимся в зависимом положении. Хотя наш текст не есть текст Скотта, но именно благодаря тексту Скотта есть и наш текст. И в этом смысле текст Скотта, как и наш текст, перформативен. Причём эту перформативность можно выявить по-разному. Например, текст Скотта может утверждать такой новый взгляд на историю человечества, где государство, казалось бы, играет не такую значительную роль, как мы привыкли ему предписывать. Наш же текст, может служить, например, утверждением утверждения о том, что Скотт утверждает, что... и так далее.

В заключение хотелось бы сказать о том, что это наращивание порядков перформативности / рефлексивности можно было бы продолжать до бесконечности. Поэтому, пожалуй, закончим.

Список литературы

1. Скотт Дж. Благими намерениями государства. – Москва : Университетская книга, 2005.
2. Скотт Дж. Искусство быть неподвластным. – Москва : Новое издательство, 2017.
3. Главное – это жить, не имея дела с государством. – Режим доступа: <https://gorky.media/context/glavnoe-eto-zhit-ne-imeya-dela-s-gosudarstvom/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

References

1. Skott Dzh. *Blagimi namereniyami gosudarstva* [Seeing like a State]. Moscow, Universitetskaya kniga Publ., 2005.
2. Skott Dzh. *Iskusstvo byt nepodvlastnym* [The art of not being governed]. Moscow, Novoe izdatelstvo Publ., 2017.
3. Glavnoye – eto zhit, ne imeya dela s gosudarstvom [The main thing is to live without having to deal with the state]. Available at: <https://gorky.media/context/glavnoe-eto-zhit-ne-imeya-dela-s-gosudarstvom/>.